

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
3 (66)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 5 8

ЕГИПЕТ В ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

Египетская экспедиция французских войск под командованием Наполеона Бонапарта носила колонизаторский, захватнический характер. Она была предпринята в интересах французской крупной буржуазии и военщины, чуждых и враждебных интересам народов Египта и самой Франции. Однако независимо от целей ее организаторов эта экспедиция имела и положительное значение для истории стран Ближнего Востока. Президент Республики Египет Гамаль Абдель Насер указывал, что в связи с французской экспедицией в Египет железный занавес, которым монголы насильственно отгородили страну от остального мира, был сорван: появились новые идеи, и перед народами Египта открылись новые, дотоле невиданные горизонты.

Не меньшее значение имела эта экспедиция и для Запада. Труды французских ученых, сопровождавших эту экспедицию, положили начало египтологии как науке. Их изыскания, опубликованные в много-томном, ставшем классическим „Описании Египта“,¹ представляют огромную ценность.

Определенный интерес сохраняют и воспоминания участников похода, в частности, самого Наполеона Бонапарта, находившегося в Египте в 1798—1799 гг. В ссылке на о. св. Елены Наполеон задумал создать историю всех своих походов. Смерть помешала ему выполнить это намерение; он успел полностью продиктовать лицам, последовавшим за ним в ссылку, только историю своих кампаний периода Директории. В частности, генералу Бертрону он продиктовал описание походов в Египет и Сирию. Записи Бертрона были отредактированы самим Наполеоном, оставившим на них многочисленные пометки. Поэтому, хотя записи были опубликованы только в 1847 г.,² т. е. через четверть

¹ Description de l'Égypte. Paris, 1809—1822.

² Guerre d'Orient. Campagnes d'Égypte et de Syrie. 1798—1799. Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, dictés par lui-même à Sainte-Hélène et publiés par le général Bertrand. I—II. Paris, 1847. (В дальнейшем, все ссылки на это издание приводятся в тексте).

века после смерти Наполеона (1821 г.), они, бесспорно, являются произведением последнего.

Будучи прежде всего полководцем, Наполеон обращает основное внимание на изложение военной истории своих походов, однако его „Кампании в Египте и Сирии“ содержат две главы („Описание Египта“ и „Религиозные дела“), которые специально посвящены географии, этнографии, истории, экономике и политическому строю Египта, а также господствующей мусульманской идеологии. Да и в главах, повествующих о военных действиях, содержится немало интересных деталей гражданского характера.

Известно, что Наполеон, будучи еще молодым офицером, живо интересовался Египтом, делал выписки из „Записок о турках“ барона де Тотта и „Истории арабов“ Мариньи. В дальнейшем он проштудировал целый ряд описаний Египта, составленных французскими путешественниками XVIII в., начиная от де Майе и до Вольнея, изучал мусульманскую религию, составил для себя франко-арабский словарик.¹

К египетскому походу Наполеон готовился весьма тщательно, и если не изучал сам соответствующие досье министерства иностранных дел, то, несомненно, ознакомился с докладной запиской по вопросу о завоевании Египта, представленной Директории министром Талейраном. Эта докладная записка в основном повторяла документ, составленный по предложению Талейрана французским консулом в Каире Магаллоном, проведшим много лет в Египте.²

Таким образом, еще до вторжения в Египет Наполеон многое узнал об этой стране. Находясь же в Египте, он не только сам внимательно изучал египетскую действительность, но и был все время в курсе исследований и изысканий французских ученых, сопровождавших экспедиционные войска. Личным переводчиком Наполеона являлся крупный востоковед и знаток Египта Вантюр.

Ко времени заключения Наполеона на о. св. Елены уже вышли первые тома упоминавшегося выше „Описания Египта“. Диктуя генералу Бертрану свои воспоминания, Наполеон, разумеется, не располагал теми книгами и документами об Египте, которые он имел возможность изучить на протяжении своей жизни. Однако недостаток литературы и источников, в известной мере, ему восполняла его феноменальная память.

Географическое описание Египта Наполеон, естественно, начинает с рассмотрения его стратегического положения. „Египет, — пишет он, — не нуждается для защиты своих границ в системе крепостей. Их заменяет ему пустыня. Он не может быть атакован иначе как по морю или

---

¹ См.: Précis de l'histoire d'Égypte par divers historiens et archéologues, t. II. Le Caire, 1933, стр. 136.

² H a n o t a u x. Histoire de la nation égyptienne, t. V. Paris, 1931, стр. 226.

через Суэцкий перешеек“ (I, стр. 33—34). Это высказывание Наполеона было основано на отличном знании военного дела и военной техники того времени.

Характеризуя Египет, Наполеон называет его „одной из самых прекрасных, плодородных и интересных стран мира“. „Это колыбель искусств и наук, — продолжает Наполеон. — Там можно видеть самые большие и самые древние сооружения, вышедшие из рук человеческих. Если бы мы имели ключ к иероглифам, которыми они покрыты, то узнали бы о первом периоде развития общества такие вещи, которые нам сейчас неизвестны“ (I, стр. 32—33).

Дешифровка иероглифической письменности Египта, осуществленная в ходе изучения памятника, найденного во время египетской экспедиции французских войск, подтвердила правильность предположения Наполеона. С другой стороны, развитие исторической науки все яснее показывает, какое огромное значение имела африканская цивилизация древнего Египта, этой колыбели наук и искусств, для развития материальной и духовной культуры Европы.

Наполеон всячески подчеркивает роль Нила в истории и экономике Египта. „Если бы, — говорит он, — Нил был отведен в Красное море или в Ливию до Сиенского катаракта (Асуанских порогов, — В. Г.), Египет превратился бы в необитаемую пустыню; ибо река эта заменяет ему дождь и снег. Это бог здешних мест и регулятор всякого рода производственной деятельности“ (I, стр. 34). В своих воспоминаниях об египетской кампании Наполеон подробно разъясняет далее, почему урожай в Нильской долине, в конечном счете, зависел от характера паводка.

Когда французские войска под командованием Наполеона вступили в Египет, не было еще ни Асуанской плотины и водохранилищ, регулирующих режим реки, ни летнего орошения Нильской долины. В мае—июне земли, орошаемые Нилом, принимали облик полупустыни.

Переход из Александрии при стоявшей сильной жаре оказался крайне утомительным для французских войск. В своих воспоминаниях Наполеон воспроизводит жалобы солдат, создающие ясное представление о том, во что превращался Нил и прилегающая к нему местность к началу второго полугодия, когда состоялся этот переход: „Французы не переставали громко вспоминать наслаждения Италии... они сравнивали... эти высушенные солнцем, открытые и лишенные тени равнины, этот Нил — тщедушный ручеек, несущий грязную и мутную воду... с цветущими и плодородными равнинами Ломбардии“ (I, стр. 152).

Основываясь на своем знании Египта, почерпнутом из литературы и рассказов европейцев, живших в Египте, Наполеон успокаивал солдат, рисуя перед ними радужные картины ближайшего будущего, когда половодье совершенно преобразит страну. Наполеон часто подходил к своим солдатам и говорил им, что „воды Нила, который в данный

момент так мало соответствует своей репутации, начинают подниматься, и скоро он оправдает все, что о нем слышали... что эта земля, столь голая, однообразная и печальная, по которой они передвигаются с таким трудом, скоро покроется нивами и даст обильный урожай, который напомнит им о плодородии берегов По и о тамошнем изобилии“ (I, стр. 154).

Наступление половодья и снижение температуры воздуха, как и предсказывал Наполеон, изменили характер местности. „К концу октября жара спала, и прекрасные дни осени вызвали удовлетворение в армии. Она, наконец, освоилась с этой страной“ (I, стр. 261). В это время года оказались проходимыми даже египетские пустыни. В июле не все солдаты оказались способными выдержать переход из Александрии в Каир, хотя шли по долине Нила, в октябре же отряд французских войск достиг Суэца после 42-часового марша „через совершенно иссушенную пустыню, без воды, без тени“ (I, стр. 261).

Рассказав о различных мероприятиях по регулированию режима реки Нил, проводившихся в Египте с древнейших времен, Наполеон выделяет роль государственной власти в организации оросительных работ. „Ни в одной стране, — пишет он, — администрация не оказывает такого влияния на благосостояние общества. Если администрация хороша, то и каналы хорошо сооружаются и содержатся в порядке, орошение производится по всем правилам, половодье распространяется достаточно далеко. Если администрация дурна, порочна или слаба, каналы заполняются грязью, дамбы содержатся плохо, правила орошения нарушаются... Правительство не оказывает никакого влияния на дожди выпадающие в Босэ или Бри (во Франции, — В. Г.). Но в Египте правительство оказывает непосредственное влияние на распространение половодья, которое их заменяет. В этом и состоит разница между Египтом под управлением Птолемеев и Египтом, находившимся уже в упадке при римлянах и пришедшем в запустение при турках“ (I, стр. 45—46).

В другом месте Наполеон указывает: „Озера Мадия, Бурулус и Манзала — недавнего происхождения. Плохое управление, господствовавшее в Египте, привело к тому, что каналы и дамбы оказались запущенными. Воды Нила стали поступать в некоторые рукава менее обильно, чем прежде, что и нарушило равновесие, — в них влилось море“ (I, стр. 41). (Нил, как это указано в книге Наполеона, в древности изливался в Средиземное море через семь рукавов, некоторые из них являлись искусственными каналами).

Об озере Манзала Наполеон говорит, что оно усеяно остатками древних городов. Действительно, в древности площадь, занимаемая ныне озером Манзала, была одной из самых плодородных в стране. На рукавах Нила, протекавших через эту площадь, были расположены большие города — Танис, Пелузий, Мигдол и др.¹

¹ См.: Л. Гордонов. Египет. М., 1953, стр. 27.

Трудно установить, насколько справедливо мнение Наполеона о происхождении мелководных лагун (озер), расположенных в дельте Нила. Ряд ученых считает, что побережье Нижнего Египта медленно опускается, что и привело к затоплению морем некоторых низменных участков дельты.¹ Наполеон также касается этой проблемы, подвергая сомнению (на основании данных ниломера) утверждение Геродота о быстром повышении уровня суши в дельте Нила. Впрочем, он воздерживается от вынесения окончательного решения, указывая, что „за последние 4000 лет местность настолько изменилась, что всякие рассуждения на эту тему остаются необоснованными“ (I, стр. 47). Характерно, однако, что среди элементов, которые должны быть приняты во внимание при рассмотрении данной проблемы, Наполеон выдвигает на первое место результаты общественного труда жителей Египта, в частности, „осуществление работ, которые ввели Нил в его нынешнее русло“ (I, стр. 47).

Затопление плодороднейших в древности земель Египта в любом случае явилось результатом того „дурного управления“, о котором пишет Наполеон. Можно было успешно бороться с затоплением местности, оказавшейся несколько ниже уровня моря, путем сооружения плотин, подобно тому, как это делалось и делается на протяжении многих столетий, например, в Нидерландах.

Интересно отметить, что уже при жизни Наполеона имело место затопление морем значительного участка египетской территории. Наполеон излагает историю возникновения озера Марьют. В ходе военных действий между английскими и французскими войсками (в 1801 и 1807 гг.) была проделана брешь в дюнах к западу от Александрии. Поскольку дно впадины, занятой ныне озером Марьют, ниже уровня Средиземного моря, воды последнего затопили большую площадь, а также ряд селений.

Приведенные Наполеоном многочисленные примеры как положительного, так и отрицательного воздействия деятельности человека и общественных условий на природную и географическую среду Египта имеют не только познавательный характер. Основываясь на этих примерах, он рисует картину будущего преобразования природы Египта, расцвета народного хозяйства страны. Само собой разумеется, что Наполеон подходит к этому вопросу с позиций завоевателя, и будущее процветание Египта представляется ему результатом французской колонизации, а не сознательной деятельности египетского народа. Тем не менее твердая уверенность Наполеона в великом будущем Египта, в возможности вывести эту страну из упадка, в которую ввергли ее мамлюкские правители, безусловно заслуживает быть отмеченной.

„Но чем станет эта прекрасная страна после 50 лет процветания и хорошего управления? — говорит Наполеон. — Воображению предстает

---

¹ Л. Гордонов, ук. соч., стр. 26.

волшебная картина! Тысяча шлюзов обуздает и будет распределять воды паводка по всем частям страны; 8 или 10 миллиардов кубических туазов воды, которые пропадают каждый год в море, распределялись бы между всеми низменными районами пустыни, озером Мерис, озером Мариут и Безводной рекою до оазисов и значительно дальше на запад, а в восточном направлении поступали бы в Горькие озера и все низменные районы Суэцкого перешейка и пустынь между Красным морем и Нилом; большое количество нагнетательных насосов и ветряных мельниц поднимали бы воду в водохранилища, откуда ее можно было бы брать для орошения“ (I, стр. 122). Показательно, что Наполеон не делает здесь никаких прогнозов относительно будущего развития техники, а основывается исключительно на тех технических достижениях, которые существовали уже в его время.

Большое внимание, которое уделял Наполеон, находясь в Египте, проблемам орошения страны, породило легенду о том, что он будто бы предлагал соорудить плотину у входа в дельту и при ее помощи регулировать распределение воды между двумя рукавами реки, чтобы в каждом из них можно было поднять по желанию уровень, пустив по нему всю воду Нила. Однако, хотя египетская кампания занимает очень большое место в мемуарах Наполеона, никаких упоминаний о подобном проекте в этих мемуарах (как и других его произведениях) нет. Между тем, Наполеон пространно повествует о другом проекте, впоследствии осуществленном и имеющем большое значение для экономики Египта, — проекте прорытия через его территорию судоходного канала, соединяющего Красное море со Средиземным.

Наполеон рассматривает в деталях проекты соединения упомянутых двух морей, разработанные французскими инженерами. Некоторые из этих проектов предусматривали восстановление канала, некогда соединявшего Нил с Красным морем, либо по трассе, существовавшей со времен древнего Египта до эпохи упадка Римской империи, либо по трассе времен арабского халифата. В самом конце 1798 г. Наполеон в сопровождении нескольких французских ученых совершил путешествие из Каира в Суэц, чтобы, как он пишет, побывать на Красном море и разыскать следы канала двух морей.

30 декабря 1798 г. Наполеону, с которым находились академик Монж и несколько генералов и офицеров, удалось обнаружить остатки древнего канала. Он следовал по трассе канала в течение 5 часов. „Остатки канала двух морей хорошо заметны, — говорит он. — Берега отстоят на 25 туазов друг от друга. В середине канала может спрятаться всадник: он оказывается скрытым с головой“ (I, стр. 272).

Наряду с исследованием вопроса о восстановлении древнего канала из Нила в Красное море, Наполеон рассматривает и проект сооружения канала через Суэцкий перешеек, что было предусмотрено, в частности, и полученной им перед отплытием из Франции инструкцией Директории.

Он подчеркивает полную осуществимость такого проекта, хотя несколько преуменьшает трудности, связанные с созданием искусственного пролива между Красным и Средиземным морями (I, стр. 78).

Мнение Наполеона относительно возможности создания Суэцкого канала, а также огромного экономического значения его полностью подтвердилось. После открытия Суэцкого канала торговля с Востоком действительно вернулась на свой древний путь, как это предсказал Наполеон.

Правильно предвидел Наполеон и будущее развитие Александрии, которая переживала к моменту его похода в Египет полосу длительного упадка. В своих воспоминаниях об этом походе Наполеон описывает величие Александрии в древности, подчеркивает исключительное удобство ее гавани, а в другом месте даже заявляет: „Если бы одни только условия местности определяли процветание и величие городов, то Александрия в большей степени, нежели Рим, Константинополь, Париж, Лондон, Амстердам, была бы призвана стать во главе вселенной“ (I, стр. 123). Говоря об Александрии, Наполеон со свойственным ему практицизмом не ограничивается выражением своего восхищения этим городом, а излагает конкретную программу мероприятий, имеющих целью вернуть ему былое значение. Так, подчеркивая преимущества Александрии перед всеми другими гаванями Египта, он отмечает существование обширного, защищенного от ветров внутреннего рейда, так называемого „старого порта“, и рекомендует построить у главного фарватера мол для облегчения входа судов, а также прорыть канал через перешеек, отделяющий старый порт от нового, что должно было облегчить выход судов в море независимо от направления ветра. Одновременно он излагает содержание разработанного французскими инженерами проекта восстановления судоходного канала, некогда соединявшего Александрию с рекой Нил; ко времени французской экспедиции канал этот мог использоваться только в период половодья для заполнения водохранилища Александрии и частично для орошения окружающей местности (I, стр. 66—67 и 69).

Наполеон говорит далее, что после осуществления указанного проекта Нил будет круглый год вливаться в старый порт, куда смогут проходить самые крупные речные суда, в Александрии сосредоточится вся торговля Розетты и почти вся торговля Дамнетты, орошение же его окрестностей сделает жизнь в ней приятной и здоровой (I, стр. 121).

Наполеон полагал, что Александрия снова должна стать столицей Египта. Торопливо диктуя перед своим поспешным отплытием из Египта инструкции генералу Клеберу, которому он поручил командование французскими экспедиционными войсками, Наполеон не забыл высказать это мнение, а также перечислить меры, могущие способствовать развитию александрийского порта за счет других портов Египта (II, стр. 154—155).

Хотя предположения Наполеона о превращении Александрии в столицу Египта не оправдались, многие другие его прогнозы оказались верными. Сооруженный в XIX в. канал Махмудия восстановил водное сообщение между александрийским портом и долиной Нила. Александрия сделалась средоточием внешней торговли Египта, а также важным промышленным и культурным центром, Розетта же с Дамьеттой потеряла всякое значение. Население Александрии, составлявшее в конце XVIII в. едва 8 тыс. человек, в настоящее время приближается к 1 млн, т. е. к той цифре, которой достигало оно в период наивысшего расцвета города в эллинистическую эпоху (I, стр. 66).¹

Понимая, какими огромными возможностями развития производительных сил обладает Египет, сознавая возможность внесения важных изменений в географическую среду, Наполеон пришел к правильным выводам и при рассмотрении вопросов демографии. Говоря о росте и снижении численности населения Нильской долины в различные исторические эпохи, Наполеон указывает для современного ему периода цифру в 3 млн человек (при численности населения всего Египта в 3200 тыс. человек).² При этом он делает смелое для того времени утверждение, что одна лишь долина Нила способна прокормить 20 млн душ, хотя в этом случае плотность населения превысит вдвое плотность населения современной ему Фландрии (I, стр. 93—94). В наше время население долины Нила практически достигло указанной Наполеоном цифры, подтвердив правильность его предположений.³

Большое внимание уделяет Наполеон египетскому земледелию и торговле. Описываемые Наполеоном сельскохозяйственные орудия чрезвычайно примитивны, приспособления для искусственного орошения (сакия — род водяного колеса и шадуф — устройство, действующее по принципу рычага) восходят к временам древнего Египта; все же приводимый им список сельскохозяйственных культур, возделываемых в долине Нила, безусловно шире аналогичного списка колониального периода. Наряду с разнообразными продовольственными и кормовыми культурами — зерновыми, бобовыми, овощными, садовыми и бахчевыми, мы находим в наполеоновском перечне многие технические культуры — такие, как сахарный тростник, табак, розы, лен, сезам, сафлор, индиго, хлопчатник, хенна и др.

Большинство этих культур (включая продовольственные — пшеницу, рис, ячмень и др.) вывозилось в конце XVIII в. в другие страны. Это видно как из данного Наполеоном анализа направления египетского вывоза (I, стр. 112—113), так и из его слов, обращенных к солдатам:

¹ См. также: Л. Гордонов, ук. соч., стр. 275—276.

² Фактически население Египта в этот период составляло около 2.5 млн (см.: А. Айру. Феллахи Египта. М., 1954, стр. 21).

³ См.: А. Айру, ук. соч., стр. 21.

„Страна, где они находятся, была житницей Рима и остается житницей Константинополя“ (I, стр. 152).

Как указывает Наполеон, провинции Верхнего Египта, с которых подати взыскивались натурой, ежегодно поставляли 1800 тыс. ардебов ржи, пшеницы и ячменя (1 ардеб пшеницы — около 150 кг, 1 ардеб ячменя — около 120 кг).

Касаясь состояния животноводства, Наполеон с восхищением отзываясь о египетских лошадях „прекрасной и чистокровной арабской породы“ (I, стр. 101). Описывая первую после высадки у Александрии стычку французских войск с кавалеристами-бедуинами, Наполеон говорит, что на первый взгляд кони бедуинов казались клячами. Однако эти „клячи“ передвигались с быстротой молнии; будучи пущены в галоп, они могли остановиться на всем скаку, „что является отличительным свойством лошадей этих стран“ (I, стр. 128). Высокую оценку дает Наполеон и египетским быкам, ослам, мулам и особенно верблюдам и дромадерам, значение которых для транспорта и военных операций в условиях пустыни он не устает подчеркивать.

Большое впечатление произвело на Наполеона цветущее состояние египетского птицеводства. Он подробно разъясняет действие неизвестных тогда во Франции инкубаторов, которых, по его словам, насчитывалось в Египте до двухсот (I, стр. 107). „Куры имеются в бесчисленном количестве, — вспоминает он. . . — Много уток, индеек и другой домашней птицы“ (I, стр. 107—108). Наполеон рассказывает далее, что Египет „усеян голубятнями“ и описывает организацию голубиной почты в фатимидском Египте (I, стр. 109—110).

В мемуарах Наполеона отсутствуют специальные разделы, посвященные состоянию ремесленного производства, которое после столетий мамлюкского ига, пришло в упадок. Однако, несмотря на этот упадок, египетские ремесленники сохранили свое трудолюбие и сметливость.

Характерно, что работники-египтяне, привлеченные для обслуживания лабораторий и мастерских, созданных французскими учеными, нашли общий язык с этими учеными. Как сообщает Наполеон, простые египтяне быстро усваивали необходимые сведения из области механики и химии, которые сообщались им французами (I, стр. 237). В то время эти науки совершенно не были известны даже представителям египетской интеллигенции, и если рядовые египтяне оказались способными усваивать сведения из области механики и химии, то значит еще до прибытия французов они обладали значительными практическими навыками и опытом.

Приводимые Наполеоном данные о внешней торговле страны показывают, что и в этот период продукция египетского ремесла продолжала оставаться довольно разнообразной.

Среди товаров, вывозимых в Турцию и внутренние области Африки, видное место занимала продукция египетского ремесла. Наполеон на-

зывает в числе предметов египетского вывоза различные ткани (хлопчатобумажные, шелковые и льняные), оружие, изделия из железа и меди, а также ювелирные изделия. Как сообщает Наполеон, грубое полотно, поступавшее из Египта в западную Европу, переправлялось в Америку (I, стр. 112—113).

Несмотря на перемещение важнейших путей международной торговли, имевшее место в XVI в., Египет и в конце XVIII в. являлся важным центром транзитной торговли, через который проходила немалая часть товарооборота между многими странами Азии, Африки и Европы. По данным, приводимым Наполеоном, Египет реэкспортировал на 30 млн франков одного кофе. Предметами реэкспорта служили и произведения Восточного Судана, Эфиопии и ряда других стран Африки, как слоновая кость, страусовые перья, гуммиарабик (I, стр. 112—113).

За время пребывания Наполеона в Суэце туда „прибыл караван судов из Джидды, доставивший очень большое количество кофе и индийских товаров... суда имели водоизмещение в 400—500 тонн... прибыл и караван из Каира; Суэц оживился и приобрел вид индийского города; Наполеон принял там агентов, возвращавшихся из Индии“ (I, стр. 273—274).

В другом месте он сообщает, что в 1783 г. караван судов, прибывших в Суэц из Джидды, насчитывал 38 судов, а в 1798 г. через Суэц прошло на 20 млн франков экспортных и импортных грузов. С мая по октябрь, когда дули благоприятные ветры, некоторые суда ходили из Суэца в Мадрас, причем плавание продолжалось 55 дней. Обратные рейсы, совершавшиеся в период с января по март, продолжались около 60 дней. Несмотря на отсутствие в ту пору Суэцкого канала, английские курьеры, направлявшиеся из Мадраса в Лондон, нередко следовали через Суэц, что ускоряло доставку депеш (I, стр. 73).

О караванной торговле Египта Наполеон говорит: „Караваны из пустыни прибывают в Каир неожиданно, как прибывает в порт конвой торговых судов. У пирамид замечают караван, пересекающий Ливийскую пустыню; он просит пропуска через Нил и места для лагерной стоянки. Это — караван, идущий из Феззана или из Марокко, или из Алжира, или из Триполи, или из Дарфура, или из Сеннара. Потом замечают караван, прибывающий через Суэцкую или Сирийскую пустыню; он вышел из Тора или из Аравии, или из Иерусалима, или из Дамаска, или из Багдада, или из Газы. Караван разбивает свой лагерь близ города; в центре его открывается ярмарка. Караваны, идущие из Сирии, состоят из 500 верблюдов, они доставляют табак, мыло, растительное масло, иногда уголь, фрукты и изюм. Караваны из Сеннара состоят из 500—800 верблюдов; их ежегодно прибывает несколько. Из Дарфура приходит только один; но он состоит из 1200—1500 верблюдов и 8000—10 000 рабов. Треть верблюдов используется для перевозки

воды, четверть — продовольствия и только одна восьмая — товаров“ (I, стр. 113—114).

В другом месте (I, стр. 313—314) Наполеон рассказывает о прибытии в египетский поселок Бени-Адин богатейшего торгового каравана из Дарфура, с большим количеством золота, слоновой кости, страусовых перьев и других ценностей, а также 4—5 тыс. рабынь. Вместе с этим караваном прибыла, между прочим, дочь владельца Дарфура.

Караванная торговля способствовала развитию товарно-денежных отношений, втягивая в них даже кочевые племена бедуинов. Наполеон отмечает важность той роли, которую играли бедуины в народном хозяйстве Египта. „Без них, — говорит он, — эта прекрасная страна не смогла бы поддерживать никаких связей с Сирией, Аравией, оазисами, королевствами Сеннар, Дарфур, Абиссинией, Триполи и королевством Феззан“ (I, стр. 56). Наполеон сообщает также о том, что бедуины добывали в горько-соленых озерах египетских пустынь натуральную соду — для внутреннего потребления и на вывоз.

Относительно высокий уровень развития товарно-денежных отношений приводил к скоплению значительных богатств в руках феодалов (прежде всего мамлюков) и верхушки купечества. Рядовые мамлюки, отправляясь на войну, брали с собой всю свою наличность, которая, по данным Наполеона, составляла 200—300 золотых монет. Мамлюкские беи и князья владели большим количеством серебряной посуды, ковров, фарфора.

Рассказывая о Каире, Наполеон сообщает: „Дома беев и великих шейхов красивы и однородны по своей архитектуре. В городе имеется также много гостиных дворов, принадлежащих каждый какой-либо купеческой корпорации“. „Колонны, послужившие для украшения Мемфиса, — говорит он в другом месте, — были перевезены частично в Александрию... а также в Каир. Сотни тысяч гранитных колонн были использованы для строительства трехсот мечетей и украшения главных дворцов этого города (Каира, — В. Г.)“ (I, стр. 81—83).

В мемуарах Наполеона описывается также загородная резиденция одного из мамлюкских властителей Египта Мурад-бея: „Офицеры с удовольствием взирали на этот хорошо меблированный дом, диваны, обитые лучшими лионскими шелками с золотой бахромой, произведения роскоши и искусства Европы. Сад был полон прекраснейших деревьев“ (I, стр. 161).

Совсем по-иному звучит в мемуарах описание провинциального египетского города Даманхур, который разочаровал Наполеона ничуть не меньше, чем его солдат. Дом, где принимали Наполеона местные власти, напоминал „ригу без окон и дверей“ (I, стр. 140).

В этой связи Наполеон подвергает резкой критике восторженные рассказы европейских купцов, которые распространяли на весь Египет

впечатления, полученные от пребывания в Каире и крупных портовых городах (I, стр. 139).

В донесении Директории от 24 июля 1798 г. Наполеон в энергичных выражениях говорит о бедности и отсталости египетской деревни того времени, поработанной мамлюкскими феодалами: „Трудно найти более плодородную землю и более несчастный народ... Их жилища строятся из грязи... У них нет другой мебели, кроме соломенной подстилки и двух-трех глиняных горшков. Едят и пьют они очень мало. Они не знают даже ножиц... Им неизвестны мельницы. Небольшое количество зерна, которое они превращают в муку, перемалывается камнями; в некоторых больших селах есть, впрочем, мельницы, которые вращаются быками“.¹

„Кампании в Египте и Сирии“ свидетельствуют о том, что их автор весьма тщательно изучил систему египетского землевладения, прежде всего с точки зрения податных возможностей. Раздел мемуаров, посвященный данному вопросу, в основном правильно освещает феодальный экономический строй египетской деревни конца XVIII в. Наполеон называет три основных формы феодального землевладения в современном ему Египте: 1) „вакф“, т. е. владения мечетей, „богоугодных заведений“ и т. п., 2) земли „асар“, считающиеся собственностью государства и находящиеся в распоряжении мультазимов (помещики-откупщики, передающие свои права по наследству) и 3) „васия“ — своего рода вотчины мультазимов в Нижнем Египте. Автор, однако, смешивает мультазимов с мамлюками, входившими в состав дружин беев, и поэтому приходит к неправильному выводу, будто три четверти мультазимов погибли в битве у пирамид (I, стр. 238—239).

По подсчетам самого Наполеона, в битве у пирамид погибло 7 тыс. мамлюков из участвовавших в ней 12 тыс. (I, стр. 160). Цифра же в 12 тыс. примерно соответствует общему количеству мамлюков, несших военную службу: как указывает Наполеон, к моменту этой битвы каждый из 24 беев Египта имел свою дружину численностью от 200 у слабейших из них до 1200 человек у Мурад-бея (I, стр. 96). Среди мультазимов было, разумеется, много натурализовавшихся мамлюков.² Однако (как это доказывается и приведенными Наполеоном данными) они лично не участвовали в военных действиях, как не участвовали в таких действиях и мультазимы египетского происхождения, будь то мусульмане или копты. Указанная ошибка Наполеона объясняется, вероятно, тем, что часть мамлюкских дружинников беев жила непо-

¹ См.: Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon... Ecrits par le Général Gourgaud. I—II. Paris, 1823, t. 2, стр. 344—345.

² См.: Р. аль-Барави и М. Х. Улейш. Экономическое развитие Египта в новое время. М., 1954, стр. 14; Description de l'Égypte, 2-e éd., Paris, 1823, t. XI, стр. 470.

средственно в деревнях.¹ Эти дружинники получали жалованье от беев за счет сумм, уплачиваемых последним мультазимами, а также за счет всевозможных поборов, взимаемых непосредственно с феллахов.²

Наполеон, видимо, не совсем четко представлял себе отношения внутри господствующего класса феодалов (или, вернее, не совсем четко эти отношения сформулировал), однако он сумел разглядеть основное и главное в экономическом строе современной ему египетской деревни, население которой составляло, по его данным, свыше 80% населения всей страны (2700 тыс. из 3200 тыс. — I, стр. 240) „Феллах в конечном счете должен платить за все“, — пишет Наполеон (I, стр. 119). „Все“ — это, как видно из мемуаров Наполеона, земельная подать — „маль-аль-хур“, из которой мультазимы, по его расчетам, удерживали в свою пользу не менее трех пятых, передавая остальное в казну и беям, различные поборы, взимаемые с феллахов мамлюками, суммы, вымогаемые у тех же феллахов лицами, которым мультазимы поручали определение доходности крестьянских хозяйств и взимание подати, а также деревенскими старостами и вождями кочевых племен. По мнению Наполеона, общая сумма всех податей, поборов и других изъятий составляла при мамлюках 73 млн франков в год (I, стр. 120). К этому следует прибавить барщину на землях „васия“ и другие повинности феллахов. С другой стороны, следует учитывать, что, как указывает Наполеон, исходя из соотношения цен на продукты и уровня заработной платы, один миллион в Египте стоил трех миллионов во Франции (I, стр. 120).

Чтобы представить себе, какое значение имела для народа Египта сумма в 73 млн франков, которую называет Наполеон, следует также учесть, что податное население насчитывало, как уже указывалось, около 2.5 млн человек (включая нетрудоспособных), а дневной труд мужчины расценивался в 8 су, т. е. 0.4 франка (I, стр. 120, 240).

Французские оккупационные власти — разумеется, ради собственной выгоды, внесли ряд существенных изменений в управление финансами и систему налогового обложения.

Как указывают современные нам египетские исследователи аль-Барави и Улейш, эти мероприятия французских властей были впоследствии учтены Мухаммедом Али при осуществлении его земельной реформы. С другой стороны, как пишут те же авторы, Мухаммед Али воспользовался опытом французской администрации при введении ежегодного бюджета, которого прежде в Египте не было.³

Созданные французами для снабжения армии промышленные предприятия и арабская типография, о которой часто упоминает Наполеон, прекратили свое существование после ухода их из Египта. Однако эти предприятия „явились важным прецедентом, который вдохновил

¹ Description de l'Égypte, t. XI, стр. 494.

² Там же, стр. 498—500.

³ См.: Р. аль-Барави и М. Х. Улейш, ук. соч., стр. 485.

впоследствии Мухаммеда Али на осуществление ряда новых начинаний в более широких масштабах и с более широкими целями“.¹

Разработка этих мероприятий и планов осуществлялась с учетом тщательного изучения Египта участвовавшими в экспедиции учеными, труды которых являются важнейшими источниками по истории Египта конца XVIII в.

Экономико-географическое описание Египта того времени Наполеоном Бонапартом, отличающееся содержательностью и конкретностью, также сохраняет свое значение для всех интересующихся историей Египта.

---

¹ Р. аль-Барави и М. Х. Улейш, ук. соч., стр. 48—49.